

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

ных к ним примечаний, он не предназначен для продажи, и его нахождение в Британском музее — привилегия почетного учреждения. Альбом заключен в роскошный шелковый, тканый переплет.

К сожалению, первопечатными изданиями альбом не блещет, так что Serindia Штейна пока незаменима.

Лондон, 3 августа 1923 г. В. Ал.

◆ *Pakenham-Walsh, W. S., M. A. Principal of Trinity College, Foochow. — The Preparation for Christ in the Chinese Classics. („Church Miss. Review“, Dec. 1921.)*

Политика христианских миссионеров всегда одна и та же. Она является верным отражением самого существа христианства, как комментаторства к загадочным текстам ветхого завета, сияющего обратиться каждую букву в пророчество о Христе. С прибытием миссионеров в Китай, этой операции должны были подвергнуться и китайские классики. Однако трудность их усвоения и обращения с текстом отпугивала очень многих, и только теперь языки развязываются, и христианская пропаганда предьявляет многострадальному и без того китайскому тексту классиков новое испытание. Теперь, как видно из этой брошюры, берется самое существо учения Конфуция о пути совершенного человека и об этом самом идеальном типе — личности, подвергается христианскому объяснению, и этим привлекаются сердца паствы, польщенной вниманием европейцев к их старозаветным учениям.

Для более или менее знакомого с китайскими классиками дело ясно: термин дао — путь, — хотя приурочить к логосу и все учение о „совершенном“ (шэн) приурочить к Христу. Для этого почтенный миссионер поступает так. Учение о „совершенном“ не могло быть, как известно, приложено к самому Конфуцию, ибо он от этого термина для себя всячески открещивался. „Еще бы, — восклицает пастор, — ведь мы должны же знать, что китайцы в ту пору оставались в неведении о том единственном идеальном существе (которое мы проповедуем) и что Конфуций, вероятно, лишь подходил к идеалу, им же проповеданному! И мы тоже, если бы не знали Христа и тайны воплощения, мы тоже пренебрегли бы его скромностью и стали бы ему приносить жертвы, толь-в-точь как сами китайцы!“

Это сослагательное наклонение — прием иезуитский, действие которого на паству пишущему неизвестно. Но миссионер убежден в том, что новые китайцы, покончив с Конфуцием во имя новой, европейской цивилизации, пойдут к Христу, и Иоанну-евангелисту останется лишь

ухватиться за это искание истины, изложенное (в кит. классиках) темно и туманно, и снова крикнуть этой восточной пробуждающейся нации: „В начале бе слово, и слово бе к богу и бог бе слово. ...В нем живот бе и живот бе свет чело-веком“ и т. п.

Неизвестно, что этот крик принес бы теперь, когда от автора потребовали бы комментария, уже не „темного и туманного“, а точного. Но удивительно, что до сих пор миссионеры не могут найти ничего более тактичного и умного, чем давать экстравагантный комментарий обрывкам текста китайских классиков, рискуя быть поднятыми на смех читателями, не абонированными на „Миссионерское Обозрение“. Миссионеры ничего не забыли и ничему не научились, хотя бы от своего собрата Лэга, переводчика „китайских классиков“.

31 июля 1923 г.

В. Ал.

И Н Д И Я

◆ *Emil Schmidt (†). Geschichte Indiens. Erneut durchgesehen von R. Schrader. Mit 28 Abbildungen auf 8 Tafeln und 1 Kartenbeilage. Leipzig, 1923. Bibliographisches Institut. Стр. 8 + 219 т. 8^о. — История Индии.*

За последнее время начали появляться в большом количестве истории Индии, отвечая тому интересу, который вызывает к себе эта страна, которую принято считать страной „религии“ по преимуществу. Недостаточная проработка первоисточников специалистами имеет, к сожалению, печальное последствие: специалистам приходится на разные лады повторять одно и то же, и все многочисленные истории Индии последних лет повторяют приблизительно по одному плану те же избитые общие места, не давая настоящего представления о сложной и богатой культуре Индии.

К числу таких книг относится и разбираемая „История Индии“. В ней прежде всего поражает несообразность частей: первая часть, говорящая о домусульманской Индии, т. е. о том периоде, когда сложилась индийская культура, одна из величайших мировых культур, занимает в книге всего 79 страниц, включая сюда и географический, и этнографический обзор страны, т. е. меньше трети книги (на мусульманский период менее 40 страниц, на европейский, наименее для Индии характерный, 75 страниц и 24 страницы, почему-то отдельно, Цейлону). Невольно спрашиваешь себя, что могло побудить автора к такому странному и непонятному построению книги?